

К Н О П К А

Нечто вроде эротической комедии

Copyright © by Josef Bar-Josef

All rights reserved. No part of this play may be used in any manner whatsoever, especially for theatrical or/and movie purposes, without written permission

© Все права принадлежат автору:

Йосеф Бар-Йосеф

Josef Bar- Josef,

Bjalik str, 22a,

Tel-Aviv 63324

Israel

Тел.: 972-3-5255075

Электронная почта: Yoss7@013.net

К Н О П К А

Нечто вроде эротической комедии

Действующие лица:

Шауль Эден – врач в частной психиатрической клинике, при которой имеется нечто вроде стационара для умственно отсталых подростков.

Зива Эден – его жена

Рафи – больной

Место действия:

Флигель во дворе клиники. Запущенная, неубранная комната доктора Эдена, которая служит ему жильем, а при необходимости и рабочим кабинетом. Спит он на диване. Возле дивана стоит торшер. Письменный стол в углу завален историями болезней. Рядом у стены больничная кушетка. В кухонном уголке имеются раковина и электроплитка. Обстановку дополняют больничная тумбочка и два стула.

Картина первая

Рафи пытается навести в комнате некоторый порядок, затем включает проигрыватель и ложится на диван. Входит Шауль в больничном халате.

Рафи (вскакивает с дивана): Шалом!

Шауль (как будто ожидал увидеть кого-то другого): Ты?

Рафи: Что?..

Шауль: Ничего, все в порядке.

Рафи: Из-за музыки, да? Думали, кто-то другой? Думали, я не могу? Вы научили меня, как надо научили. Я поставил вашу музыку, которую вы любите.

Шауль: Только, пожалуйста, не так громко, идет?

Рафи: Не так громко. Хорошо. *(Убирает громкость, снимает с доктора врачебный халат).* Были вчера в городе, да? Были вчера в городе, да?

Шауль: Да.

Рафи: Я сразу увидел. *(Указывает на висящий сбоку костюм).* Ваша одежда – доктора.

Шауль (указывает на больничный халат): Вот она, моя одежда доктора.

Рафи (объясняет): Это одѐжа доктора на работе. А это одѐжа доктора не на работе. Когда он едет в город. Не просто так в город – одѐжа доктора для больницы.

Шауль: Правда? Есть такая специальная одежда доктора для больницы не на работе? Когда он едет в город?

Рафи: Точно! Есть разница, я сразу вижу.

Шауль: А что с профессором в больнице?

Рафи: Профессором в больнице?..

Шауль: Одежда профессора для больницы не на работе, когда он едет в город. Ты сразу видишь?

Рафи: Это я не знаком.

Шауль (смеется): Это уже слишком, да? А как ты увидишь летом, когда я поеду в город – если поеду – в рубашке с коротким рукавом? Как тогда узнаешь?

Рафи: Узнаю.

Шауль: Я рад. *(Присаживается на диван, потом ложится).*

Рафи: Узнаю. Точно. Обязательно узнаю.

Некоторое время оба молчат.

Рафи: По тунцу я тоже. Привезли новые. Я открою. *(Открывает одну банку).* И вафли. Вафли в шоколаде привезли. Хорошие.

Шауль: Рафи, позволь мне немного отдохнуть.

Рафи (достаёт из тумбочки тарелки, вилки): Я не люблю в городе.

Дерутся. Камнями кидаются. Тут тоже дерутся, но есть сад. Ночью в саду можно очень даже хорошо спрятаться. Ложишься, и как будто земля.

Никто не найдет. Только собаки. По запаху. В городе нельзя спрятаться. В городе вообще нет ночи. Все время свет. В городе зато есть хорошие вафли. Это точно. *(Ждет ответа, не дождавшись, повторяет):* В городе зато есть хорошие вафли.

Шауль: Да, ты можешь взять.

Рафи: После, вместе. Это моя субботняя одѐжа. Все открытое отделение получило сегодня отпуск. Все уехали, я остался. Я сегодня буду у вас спать. Вы помните? Вы сказали. Я на полу буду спать. Есть много места.

(Снова, помолчав): Вы сказали. Вы хотите, чтобы я замолчал? Я могу. Если вы скажете, я могу.

Шауль: Все в порядке, можешь продолжать. Говори, если хочешь, только потише. И не жди, что я буду отвечать, хорошо? Ты говори, а немного отдохну.

Рафи: Как на прошлой неделе. Я говорил, а вы заснули. Помогло вам заснуть, верно?

Шауль: Верно.

Оба молчат.

Рафи: Еще в городе есть девушки, да? В городе есть девушки, да?

Шауль не откликается.

Рафи: Говорят, музыка хорошая вещь для девушки. Для женщины. Чтобы дала. Не эта музыка. Музыка! Автомобиль тоже. Девушки любят ездить в автомобиле. Чтобы все видели. Трубка тоже. Я один раз видел одного с трубкой и с красивой девушкой. Цветы тоже. Для таких девушек, вы знаете, худых. Мойше сказал, что самое лучшее для девушки – чтобы дала, – вlepить ей прямо тут же на месте две хорошие оплеухи и сразу спускать штаны. Как в уборной. Это то, что он делает. Он так сказал. Вы думаете, он правда так делает? (*Помолчав*): Мойше, это то, что он сказал. Когда он встречает девушку, он тут же на месте – две оплеухи и сразу спускает штаны. Вы думаете, он правда так делает? Вы думаете, он правда?..

Шауль: Я не знаю. Я не думал об этом. Я потом подумаю. В другой раз.

Рафи: Этот... Который сегодня повесился... Он шизик, да? Который сегодня повесился...

Шауль: Я терапевт, Рафи. Ты помнишь, о чем я просил тебя?

Рафи: Конечно. Теперь все, буду молчать. (*Через минуту*): Шизик, псих, точно! Сто процентов.

Шауль: Ну, если ты так считаешь...

Рафи: Есть кое-что получше для девушки. Для женщины – чтобы дала. Самое хорошее. Я слышал от одного очень серьезного. Я теперь не помню, как его звали. У женщины на теле, он сказал, есть такое место – кнопка.

Шауль смотрит на него.

Рафи: Можно, я скажу дальше?

Шауль: Да, продолжай.

Рафи: Ты только дотрагиваешься до него, до этого места, и она сразу будет любить тебя. Должна. Не может, чтобы не любить. Пускай ты даже никто, разрушенная семья, отец безработный, мать уборщица, сам шпана,

хулиган, не умеешь танцевать, петь не умеешь, говорить не умеешь с девушками, пускай даже псих, шизик, все равно будет любить. Как ненормальная будет любить. Ты только дотронешься до этой кнопки, отдаст все, что захочешь. Ноги целовать будет, плакать будет. Скажешь ей: иди, придет. Скажешь: проваливай, уйдет. Только дотронуться, и все.

Шауль потихоньку всхлипывает.

Рафи: Вы не должны ездить в город. Вы не должны ездить...

Шауль: Правильно, мне хватает тебя. С лихвой хватает.

Звонит больничный колокольчик.

Рафи: Пятница сегодня, скоро суббота.

Шауль: Кончают с собой и в пятницу, и в субботу, не так ли?

(Поднимается и выходит).

Рафи остается один в комнате, надевает врачебный халат Шауля, вертится, оглядывая себя, насвистывает какую-то мелодию.

Принимается наводить порядок, переставляет что-то с места на место.

Стук в дверь. Рафи не обращает внимания. Стук повторяется, дверь открывается, входит Зива с двумя чемоданами в руках, оглядывается в сомнениях – не знает, туда ли она попала.

Зива: Извините, я, очевидно, ошиблась... *(Выходит).*

Рафи: Ошиблась!

Зива (снова стучит и входит): Простите...

Рафи: Да?

Зива: Извините, не подскажете, где тут живет доктор Шауль Эден?

Рафи: Доктор Шауль Эден!

Зива: Да, доктор Шауль Эден.

Рафи: Живет?

Зива: Где он живет? Дом, квартира?

Рафи: Зачем? Новенькие прежде идут в контору. Прежде идут в контору. Сегодня пятница, контора закрыта. Это частная квартира доктора Эдена. Частная квартира доктора Эдена.

Зива: Вот это?..

Рафи: Это! Хорошо, правда?

Зива: Да, хорошо, конечно... Очень хорошо. *(Опускает на пол чемоданы).* Вам известно, когда он должен вернуться?

Рафи: Что это?! Что ты делаешь? Почему чемоданы?

Зива: Я только поставила... Они тяжелые.

Рафи: Несите в контору, не здесь! (*Поразмыслив*). Контора закрыта. Приходите в воскресенье. Сегодня только неотложная помощь. Только самая неотложная помощь. Ваш случай совсем неотложный?

Зива (усмехается): Возможно. Но не то, что вы думаете. (*Принимается оглядывать комнату*).

Рафи: Что вы делаете?

Зива: Просто смотрю.

Рафи: Он сказал вам прийти к нему? Частный визит?

Зива: Что-то в этом роде.

Рафи (передразнивает ее): Что-то в этом роде!

Зива: Зачем вы так?

Рафи: Одна была здесь – все время говорила: что-то в этом роде... (*Пристально разглядывает ее*).

Зива: Что?..

Рафи: Тоже была красивая.

Зива: Я понимаю... (*усаживается на диван*).

Рафи: Что ты делаешь?

Зива: Хочу посидеть спокойно.

Рафи: Ты на диване!

Зива не отвечает.

Рафи: Что слышно?

Зива: Простите?..

Рафи: Что слышно?

Зива: Спасибо, все в порядке. А у вас?..

Рафи: Вы были знакомы с ним прежде? В Тель-Авиве?

Зива: Да.

Рафи: Вы его частная пациентка?

Зива: Я его жена.

Рафи: Как вас зовут?

Зива: Зива. Зива Эден.

Рафи: Эден? Это фамилия доктора. Вы его сестра?

Зива: Я же сказала вам: я его жена.

Рафи: Ты уверена, что он велел тебе приехать сюда к нему?

Зива: Кто вы такой, если можно поинтересоваться? Что вы тут делаете? (*Встает, открывает один чемодан, что-то ищет*).

Рафи: Все! Я даже змею убил. Несколько змей. Много. Этот дом прежде был склад. Змеи водились. (*Видит среди вещей Зивы стеклянный кофейник с насадкой для подачи пара*). Что это?

Зива: Кофейник для приготовления кофе. Это насадка. Как будто плащ-безрукавка. У моих родителей был такой.

Рафи: Кофейник выносят под дождь?

Зива: Нет, просто чтобы кофе был горячий.

Рафи: У собак бывают такие жилетки.

Зива: Да, что-то такое...

Рафи: Один раз я видел даже кошку в жилетке.

Зива: Да? Интересно.

Рафи (передразнивает ее): Ясное дело, интересно!..

Зива: Простите?

Рафи: Интересно!

Зива: Я понимаю. Вы из технического персонала или санитар? Что-нибудь в этом роде?

Рафи: Я больной.

Зива: Больной? Что с вами?

Рафи: Маниакально-депрессивный психоз.

Зива: Простите?

Рафи: Маниакально-депрессивный психоз. Аффективные состояния.

Маниакально-депрессивный... Есть справка. История болезни есть. А вы, я думаю, шизофреничка.

Зива: Что же это за больница?

Рафи: Вы не знаете, куда вы приехали?

Зива: Как видно, не знаю...

Рафи: Вы думали, это государственная больница травматологии?

Зива: Травматологии?..

Рафи: Нет, конечно! Это частная клиника. Такая – для бедных.

Запущенная. Только когда умирают, моют как следует. Чтобы министерство здравоохранения не придиралось. Нет психиатров. Только один. Ничего не понимает. Доктор как раз в порядке. Он терапевт.

Хороший врач. Я один раз слышал, владельцы про него говорили.

Повезло, сказали. Счастье, сказали, что он у нас есть.

Зива: Счастье?

Рафи: Понятное дело! Что приехал работать у них. Запутался сказали, видать, в каких-то делишках. Счастье, сказали. Запутался... Там, в той больнице, где раньше работал. Сбился с правильного пути.

Зива поднимается с дивана.

Рафи: Куда ты?

Зива: Я хочу пить.

Рафи: Ты сиди тихо.

Зива: Простите?

Рафи: Сиди, и все.

Зива: Я хочу воды...

Рафи: Я принесу. А ты сиди.

Зива собирается сесть возле стола.

Рафи: Не здесь! Это стул доктора. Сломанный. Доктор любит свой стул. Специально привез. На нем нужно уметь сидеть. Дверь тоже нужно уметь открывать. Он дал мне ключи. Захожу, когда хочу. Я могу тут делать, что захочу. Даже включаю музыку. *(Ждет, что она на это ответит. Зива молчит)*. Даже включаю музыку.

Зива: Да...

Рафи: Я сегодня тут буду спать. На полу. Есть много места. Мы говорим. Обо всем говорим. О Боге. О девушках тоже. *(Ждет ее реакции)*. Говорим даже о девушках.

Зива: Я слышала.

Рафи: Вот... Я хочу спросить вас. Я это слышал от одного серьезного. Не помню, как его зовут. У женщины на теле есть такое место – кнопка. Ты только дотрагиваешься до нее, до этой кнопки, и она сразу должна любить тебя как ненормальная. Ты можешь быть никто, разрушенная семья, отец пьет, мать уборщица, в полиции против тебя дело, танцевать не умеешь, петь не умеешь, говорить красиво не умеешь, псих, шизик, все равно...

Зива принимается плакать.

Рафи: Ничего. Я вам расскажу кое-что. Только – никому. Вчера доктор ездил в город. В Тель-Авив. Я видел, когда он вернулся. Хотел зайти, вдруг слышу: кто-то поет в комнате. Скулит как собака. Плачет. Сегодня тоже. Нет, я вам не буду рассказывать. Нет.

Зива (вытаскивает сигарету, хочет закурить): Когда он должен вернуться?

Рафи: Ты куришь? (*Задумывается*). Моя мама никогда не курила. И у доктора мама тоже никогда не курила. Он мне сказал.

Зива: Я вас спросила, когда он должен вернуться? Когда, вы думаете, он должен вернуться?

Рафи: Скоро. Тут один повесился сегодня... Покончил с собой. Может, еще один? У нас это запросто: один повесится, сразу еще один – тоже хочется. У меня много работы когда что-нибудь такое. Убрать надо. Вымыть как следует. Он хороший доктор, хорошо моет. Даже государственная больница так хорошо не моет.

Зива: Я хочу посидеть спокойно. Чтобы было тихо. Если можно...

Рафи (после минутного молчания): Что слышно?

Зива: Простите?

Рафи: Что слышно?

Зива: Спасибо, ничего. А у вас?

Рафи: Я вот спрошу тебя о чем-то. То, что мы раньше говорили. Про это место, кнопку эту. Которая у женщины. Вы, понятное дело, знаете. Вы ведь женщина. Это верно?

Открывается дверь, появляется Шауль, останавливается, пораженный.

Зива встает, не знает, что делать, отступает, берет за чемодан.

Рафи: Она вдруг пришла. Я сказал: новенькие прежде должны в контору. Я ей сказал: новенькие прежде должны в контору.

Шауль: Я слышал, Рафи. (*Обращается к Зиве*): Извини... Я просто... Заходи.

Зива (усмехается): Заходи?

Шауль (смеется): Ты права – это я снаружи. Разумеется... (*Закрывает за собой дверь, делает шаг навстречу Зиве*). Что ж? Как говорится, благословен входящий. Благословенна... Извини... Я немного растерян. (*Смеется*). Немного, да?

Зива: Это естественно. Иначе и быть не может. В конце концов, все так неожиданно...

Шауль: Я рад. Ты даже не представляешь себе, как я рад!

Зива: Я тоже рада. Я, конечно, должна была позвонить... Но решила, что лучше будет просто взять и приехать...

Шауль: Правильно – сразу с моста в реку! Как и я вчера.

Зива: Это были твои слова.

Шауль (указывает на чемоданы): Чемоданы...

Зива: Я тоже немного растеряна. *(Смеется)*. Немного, да?

Шауль (подходит, берет за чемодан): Позволь я отодвину их к стене.

Зива: Нет, зачем? Я сама. Ты не должен...

Шауль: Достаточно того, что ты тащила их всю дорогу.

Зива: Но мне хочется сделать это самой. Можно?

Шауль: Разумеется. Я понимаю... Это прекрасно. *(Позволяет ей заняться чемоданами)*. Между прочим, они тяжелые.

Зива: А я сильная. Ты забыл?

Шауль: Не сомневаюсь. Прodelать такой путь, да еще в этих туфельках!

Зива: Ты любил эти туфли. Как будто на каблуках, но в то же время практичные... Кстати, у тебя тут красиво: замечательная аллея, по обе стороны цветущий сад, такой тенистый... И прошлогодние апельсины и на ветвях, и на земле.

Шауль: Никто не собирает их. Все заброшено, запущено. Специально позволяют им сгнить, чтобы вообще вырубить. Построить еще дома.

Зива: Возможно, именно из-за этой запущенности он и выглядит таким прекрасным. Цветы, плоды...

Шауль: Это весна. Весна все делает прекрасным.

Зива: Где их поставить?

Шауль: Прости?

Зива: Чемоданы.

Шауль: Да, конечно. Вот тут.

Рафи (словно очнувшись): Я заварю чай с корицей, да?

Шауль: Ты должен сейчас идти, Рафи.

Рафи: Как? Почему? Вы сказали, я буду сегодня спать здесь.

Шауль: В другой раз, не сегодня.

Рафи (возмущенно): Из-за нее? Кто она вообще такая? Самая обыкновенная новая пациентка, да еще говорит, что ваша жена.

Шауль: Зива действительно моя жена, Рафи. Действительно моя жена.

Рафи: Что это значит?

Шауль: Моя жена, моя жена! Теперь ты должен уйти.

Рафи: У вас есть жена? Где же она была все время?

Шауль (Зиве): Извини. Рафи... он...

Зива: Все в порядке, я понимаю.

Рафи: Она твоя жена?! Вот это да!

Зива и Шауль смеются.

Рафи: А! Она ушла от тебя к другому. Она шлюха, верно? Обыкновенная шлюха! Просто обыкновенная шлюха.

Зива: Простите...

Шауль: Извини меня. Одну секунду. (*Обращаясь к Рафи*). Ты должен немедленно уйти! Сейчас же!

Рафи: Шлюхи всегда хохочут. У нас была одна. По три раза в день мылась. Мы стояли внизу и слушали, как течет вода.

Шауль: Хватит, Рафи!

Зива: А чем еще она занималась? По каким признакам определяют шлюху?

Рафи: У нее волос не было. Бритая голова. Как из железа. Не из-за вшей.

Шауль (в отчаянии): Иди! Сию минуту!

Рафи (угрюмо): Вы сказали, я сегодня сплю здесь. Это наш план. Так вы сказали. Вы мне сказали.

Шауль: Планы изменились, Рафи!

Рафи: И я не кончил убирать. (*Берется за швабру*).

Зива: Не нужно убирать. Все в порядке, я сама уберу. Ты не должен.

Рафи (хватает себя рукой между ног, кричит): А-ай!.. Ай-ай-ай!..

Шауль: Что случилось?

Зива: Я не знаю. (*Поворачивается к Рафи*). Что такое? Что с тобой?

Рафи: Она сумасшедшая! Психованная! Ногой по яйцам! Она мне ногой по яйцам!

Зива: С чего это вдруг?.. Что ты выдумываешь? Зачем ты?..

Рафи: Вот так – ногой по яйцам! Ногой по яйцам! Она бесстыжая!

Шауль: Ты должен немедленно уйти!

Рафи: Как? Она засадила мне по яйцам! Пускай она уходит!

Шауль: Убирайся отсюда!

Рафи (хватает со стола открытую банку тунца, подносит острый край крышки к своему горлу, как будто намеревается поранить себя): Ударила меня по яйцам! Я зарежу себя! Я умру!

Шауль: У тебя не получится. Невозможно убить себя с помощью банки консервов.

Рафи: Я могу! Я сумею! Ты больше не увидишь меня! (*Рыдает*). Ты больше не любишь меня...

Шауль: Пойдем, Рафи. Я провожу тебя. (*Обнимает его за плечи и настойчиво тянет к двери*).

Рафи (всхлипывая): У тебя хорошие руки. Когда я дрожу вот так, а ты кладешь на меня свои руки, я уже не дрожу больше. Даже в государственной больнице у них не было таких хороших рук.

Шауль выводит его из комнаты.

Картина вторая

Зива одна в комнате. Все прибрано, приведено в порядок, на полу ваза с цветами, на диване подушки, горит лампа в торшере, играет тихая музыка. Входит Шауль с подносом.

Шауль (с удивлением оглядывает комнату): Когда ты успела? И цветы... Да еще какие! Розы... Откуда?

Зива: Из сада.

Шауль: Как? Там открыли цветочный магазин?

Зива: Там их полно.

Шауль: Я видел только сорняки и колючки. И кучу мусора.

Зива: Между сорняками и колючками.

Шауль: И ты отыскала их в темноте?

Зива: Отыскала. *(Протягивает руки, чтобы забрать у него поднос).*

Шауль: Нет, ты гостья. *(Пристраивает поднос на тумбочке).*

Зива: А где ты обычно ешь?

Шауль: В столовой. Там есть специальный уголок для персонала. А так, если вдруг появляется желание перекусить, тут, за рабочим столом.

Зива: Я уберу папки.

Шауль: Нет, подожди... *(Перетаскивает кушетку в центр комнаты, застилает ее простыней, включает верхний свет, смеется).* Как в кино! Дворцовая зала, внушительный дубовый стол, и двое обедают за ним в километре друг от друга. *(Переносит поднос на кушетку, приставляет к ней стул).* Вот, садись. Ой, нет! Это сломанный стул. *(Придвигает другой стул).*

Зива: Можно сесть?

Шауль: Да. Как говорится, во главе стола.

Усаживаются на двух противоположных концах кушетки.

Шауль: Приятного аппетита.

Зива: Спасибо.

Шауль (как бы извиняясь): Больничная еда. Ну, ты понимаешь... И вина у меня нет. *(Усмехается).* Питание в нашей больнице – это серьезная

проблема... (*Принимается рассуждать так, словно находится на медицинском конгрессе*): Проблема, которую следует решить в первую очередь. Не нужно повышать стоимость, просто сделать пищу разнообразнее, вкуснее. Подойти творчески. Да, именно потому что мы имеем дело с больными людьми, которые и без того достаточно страдают. Живут в постоянном напряжении, в плену маний и страхов, вдали от дома. Так почему бы не обеспечить им по крайней мере приличную еду? Хоть как-то ободрить. Это в свою очередь будет способствовать скорейшему выздоровлению.

Зива сидит, опустив глаза в тарелку.

Шауль: Ты согласна со мной?

Зива молчит.

Шауль: Знаешь, я ведь попал сюда совершенно случайно. Ну, нет, не вполне случайно... После того... После всего случившегося я искал что-нибудь подальше от города. Они тоже... Как выяснилось, они в течение двух лет не могли найти терапевта. Никто не рвался. Понимаешь, мне стало даже любопытно поработать в таком вот месте – в клинике для душевно больных. Вначале это было действительно очень странно, но постепенно я привык. Теперь я считаю их нормальными. Почти нормальными, то есть обыкновенными людьми. Я не уверен, что приношу тут много пользы. Физические заболевания еще можно победить, но душевные... С нашим телом мы знакомы лучше, чем с нашей душой. Что делать? Это так...

Зива молчит.

Шауль: Я все еще не верю. Только вчера ты была так далеко... Так далеко... Можно сказать, за горами за долами. За горами тьмы... Знаешь, после того, как ты ушла, я едва не лишился рассудка. Мне казалось, что даже больные замечают. Там был один бедолага... Безнадежный. Однажды жена сидела возле него, а я подошел. И он вдруг улыбнулся. Странной такой улыбкой. Ты не поверишь, что я почувствовал. Как будто этой своей улыбкой он хочет сказать мне: да, я умираю, но моя жена здесь, при мне, возле меня. А ты... И вот мы сидим тут и беседуем. Это так просто... Ты ешь, ешь!

Зива заливается слезами.

Шауль: Нет! Что? Что случилось? Ты не голодна?

Зива: Голодна. Очень голодна.

Шауль: Так в чем дело? Ешь!

Зива: Я не могу дотянуться.

Шауль: Великий боже! Я слепец, я идиот, я... Принес так много всего...
(*Поднимается, подходит к подносу*). Позволь, я положу тебе. Вот...

Зива: Ты не должен. Я сама. (*Встает, передвигает стул на другую сторону кушетки*).

Шауль: Как я не подумал об этом? Ты умеешь с такой легкостью решать все проблемы. Все, что ты делаешь, это так верно, так правильно. У тебя все получается...

Зива накладывает еду себе на тарелку.

Шауль: Это все? Возьми тефтели. Они как раз удачные.

Зива: Давай просто поедим.

Шауль: В тишине, правда? Без разговоров.

Зива: Да, в тишине. Извини.

Шауль: Нет, нет, это ты извини. Все из-за меня... Я виноват.

Зива: Позволь на этот раз мне выразить сожаление, хорошо?

Смеются и принимают за еду.

Шауль (продолжая жевать): Ты помнишь наш первый вечер?

Зива: Почему ты вдруг?... А, да, я понимаю.

Шауль: Ты тогда тоже была ужасно голодная, и так ела, так наворачивала!
Нет, нет, культурно, элегантно: ножом и вилкой, но как зверь. Как прекрасный дикий зверь. Хищник. Все твое тело участвовало в этом процессе. Наслаждалось добычей.

Зива: Неправда!

Шауль: Это было великолепно. Также как и теперь.

Зива: Перестань! Ты портишь мне аппетит.

Шауль (с полным ртом): И тогда у тебя тоже была шляпа. Не такая, как эта, но тоже... шляпа!

Зива: Шляпы – это моя слабость.

Шауль: Почему же – слабость? Это твоя сила. Ты ее носила так... немного, я бы сказал, набекрень. Как манекенщица. А я все время думал, как это она не падает с головы? Как умудряется сохранять равновесие? Как будто канатоходец.

Зива: Там была шпилька.

Шауль: Неважно, все равно ты была циркачка.

Зива: У меня была целая философия на этот счет. Как раз из-за того, что нет денег, нет дома, ничего нет, я буду носить самые шикарные шляпы, непременно желтого цвета и с огромным бантом, самые сумасшедшие и обязательно вот так – на одну сторону. До полной невозможности.

Шауль смеется.

Зива: Что тут смешного?

Шауль: А потом мы гуляли. Ночью, в темноте. По улице Яффо. Она такая красивая ночью. Шли в сторону Старого города. И вдруг тебе приспичило...

Зива: А, это мой мочевого пузыря.

Шауль: Совершенно верно. Сказала: подожди минутку. Спустилась по ступеням, которые возле почтамта, и присела. Прямо на ступенях. Нисколько не стесняясь. Плевала на весь мир.

Зива: Ну, это было ночью, вокруг ни души.

Шауль: Ты не поверишь, но я думаю, что именно тогда впервые сказал себе: хочу, чтобы она стала моей женой.

Зива: Ой, я не верю! И все из-за моего мочевого пузыря?

Шауль: Твоя отвага, решительность! Как ты умеешь начхать на весь свет и выйти из самого сложного положения! Я подумал: с ней я больше ничего не буду бояться. Оставляю свои вечные сомнения. Постоянную нерешительность: да – нет, нет – да. Факт, что только когда мы наконец были вместе, я решился предложить свою кандидатуру в ту больницу.

Зива: Это смешно. Ты был старше, уже врач, а я девчонка, пацанка, да еще с мамашей на шее. Всего-навсего практикующая сестра. Могла только мечтать о школе медсестер.

Шауль: Девчонка, но красотка, и зналась со звездами.

Зива: Со звездами?

Шауль: Профессора. Все трое – нет, тогда еще не были, но уже было ясно, что станут. Как они выискивали любой предлог пройти мимо поста, когда ты дежурила!

Зива: Из-за кофе. Я приносила кофе.

Шауль: И цветок. Цветок всегда стоял в стакане.

Зива: Из больничного сада. Вернее, из палисадника.

Шауль: Ты забываешь главное. Главное – там была ты. Молодая, красивая, неприступная.

Зива: Ничего, ты все-таки решился.

Шауль (смеется): Дай мне твои руки, можно?

Зива: Зачем?

Шауль: На минутку.

Зива протягивает ему руки.

Шауль (берет их в свои ладони): Большие пальцы, видишь? Этот длинный, изящный, как будто в туфельке на высоком каблуке и в шляпке. А этот коротенький, пухленький, нежный.

Зива: Пусти, я его стыжусь – этого пальца.

Шауль: А я как раз из-за него отважился. Он очаровательный, трогательный такой.

Зива: Ужасный, уродливый!

Шауль: У тебя все красивое. *(Продолжает удерживать ее руки в своих, потом, словно очнувшись, отодвигается):* Извини, ты не кончила есть. Ешь, ешь...

Зива: Я уже сыта. В особенности твоими комплиментами.

Шауль: Они причитаются тебе. Я никогда не умел найти нужных слов.

Зива: Хочешь теперь единым махом наверстать упущенное?

Шауль молчит.

Шауль: Я позавчера ночью не мог уснуть. Уже начало светать, а у меня сна ни в одном глазу. И вдруг услышал птиц. Вначале одна защелкала. Потом еще одна. Потом три сразу. А потом поднялся такой гомон, что уже и не сосчитать. Все наполнилось их трелями. Как будто кто-то выплескивает в воздух ушаты щебечущих и поющих птиц. Это было прекрасно, восхитительно. И я вдруг подумал, что, собственно, сам по себе птичий щебет – это ничто. Трещат и свистят, потому что голодны. Или просто заявляют о своем существовании. Или сплетничают. Поют, потому что не умеют делать ничего другого. Но для нас – это такое наслаждение! Может, и мы... Наша болтовня и трескотня... Ты понимаешь? Может, и в этом есть какой-то смысл, какая-то красота для кого-то?..

Зива (дотрагивается до его руки): Спасибо.

Шауль: За что?

Зива: Я не знаю. То, что ты сказал... Это замечательно. У меня даже дрожь пробежала по телу. Мне вдруг сделалось так хорошо. Я хочу, чтобы было хорошо. Красиво. Тихо. Надежно. И чтобы начать работать. Если б ты только знал, как я хочу снова начать работать!

Шауль: А знаешь, почему я не мог уснуть? Хотел убить тебя. Лежал всю ночь и думал только об этом – убить тебя. Не ворочался, даже не шевелился, неподвижно лежал на спине и представлял, как убью тебя. Всем своим существом жаждал мести – от кончиков волос на голове до пальцев на ногах. Каждой своей жилочкой. А утром услышал птиц, и все как будто ушло. Развеялось, как утренний туман...

Зива: Ты хороший человек.

Шауль: Хороший человек?

Зива: Это было позавчера ночью, да? Это прошло, и ты решил приехать просить меня, то есть поговорить со мной – у него в доме.

Рафи (возникает за окном): Доктор! Ты когда-нибудь был в Тверии? На Кинерете?

Шауль (Зиве): Продолжай, не будем обращать на него внимания.

Рафи: Кто-то однажды спросил меня, был ли я когда-нибудь в Тверии. На Кинерете. Я сказал ему: Нет. Он сказал: Ты ненормальный, или что? Я спросил: Почему? Он сказал: Это одно из красивейших мест в мире, и до него всего два часа езды. Ну и что? Подумаешь – не был. Мне что, не хватает чего-то? *(Отходит от окна)*.

Зива и Шауль смеются.

Шауль: Я часто не понимаю его.

Зива: Он говорит о том, что следует довольствоваться малым. Так мне кажется.

Шауль: Что ж, прекрасно... Я не думал об этом. Я все время здесь с ним, а ты только приехала и уже во всем разобралась.

Зива: Наверно потому, что я тоже так считаю – нужно довольствоваться малым.

Рафи (снова возникает в оконном проеме): Мне чего-то не хватает? Мне всего хватает!

Шауль: Чего ты хочешь от меня, Рафи? Чего ты хочешь от меня?!

Рафи: Яйцо вкрутую. Чтобы настоящее яйцо вкрутую. Всю ночь на огне. Я сварю у тебя на плитке.

Шауль: Уходи наконец! Иди в клинику.

Рафи: Кто там остался? Санитары? Дежурные? Габриэль остался, Азиз остался – самые плохие. Из закрытого отделения. Они не любят, если кто-то остается в пятницу. После того как все уехали. Они не любят, если доктор дал ключи, а потом выгнал.

Шауль: Я провожу тебя. Я прослежу.

Рафи: Ты проводишь, а потом ты уйдешь, да?

Шауль: Больше я ничего не могу для тебя сделать. Ничем не могу помочь. Не могу, ты понимаешь?! Иди уже. Возьми мое пальто, а то промокнешь под дождем, простудишься. Чего ты ждешь? (*Открывает окно, протягивает Рафи пальто*).

Рафи (*хватает руку Шауля, впиивается в нее зубами, кричит*): Через окно, да? Выкидывает! Как собаке! Швыряет в окно, как крошки птицам. Подачку!

Шауль (*кричит*): Нет!

Рафи: Сказал: будем есть вместе! (*Убегает*).

Шауль (*качает головой, усмехается с некоторым облегчением*): Ты видела? Больной... Чуть ли не голый... Под дождем... Но гордыня! Этого у него не отнимешь...

Зива: Он укусил тебя. До крови.

Рафи (*снова возникает в окне*): Ты ел с ней на кушетке для пациентов! Это кушетка для мертвецов! Я видел. Когда вытаскивают их из холодильника!.. (*Исчезает*).

Шауль принимаетя убирать с кушетки остатки трапезы.

Зива: Я помогу тебе.

Шауль не отвечает, переносит поднос на тумбочку, снимает с кушетки простыню, складывает ее, возвращает кушетку на прежнее место у стены.

Шауль: Мы уедем отсюда. Что он для меня? Дурачок недоразвитый, инфантильный, больной... Я вчера ночью только попросил тебя вернуться, и уже был счастлив. В его доме просил, чтобы ты вернулась, у него на глазах. Не верил, ни минуты не верил, что вернешься, а уже был счастлив. А сейчас, когда ты здесь – только попытаться, разумеется, только попробовать, но здесь, – я должен быть в тысячу раз счастливее, верно? Я сказал тебе вчера: я все тебе простил, ты не сделала ничего дурного, ты любила, я не могу жить без тебя, я сделаю для тебя все!

Зива: Хватит, Шауль.

Шауль: Почему?

Зива: Я здесь.

Шауль: Твой ум, твоя рассудительность – все, что ты говоришь, – это так верно! Но почему это разрывает меня на части?

Зива закатывает рукав рубашки на Шауле, гладит его руку. Снаружи доносится шум дождя.

Шауль: Твоя ладонь, твое прикосновение...

Зива: Неприятно?

Шауль: Неприятно?.. Только твоя ладонь, только моя рука – а я чувствую всю тебя... Все твое тело... На мне. На моем теле...

Зива: Ты никогда не говорил мне таких слов.

Шауль: Наверно нуждался в электрошоке...

Зива: Каком?.. Да, я понимаю. (Закатывает и другой рукав рубашки Шауля, снова гладит его руки).

Шауль: О, Господи!..

Шум дождя снаружи усиливается.

Зива: Дождь...

Шауль: Да еще какой – ливень!

Зива: Ты думаешь, он еще там?

Шауль: Это тебя волнует?

Зива: Если он все еще там, снаружи, и смотрит в окно...

Шауль: Я выключу свет. Такое убогое жилище – без женщины, без занавесок. (Выключает верхний свет).

Круг света от торшера падает в основном на диван. Шауль и Зива делают шаг в эту сторону, останавливаются, делают еще шаг.

Шауль (принюхиваясь): Ты чувствуешь?

Зива: Что?

Шауль: После армии я часто бродил в одиночестве по иерусалимским улицам. До глубокой ночи. Такой вот стеснительный юноша. Боялся всего на свете. Потом, когда начал учиться, уже не было времени на прогулки. Только смотрел на окна. В некоторых допоздна горел свет. Такой же неяркий: от торшера, настольной лампы... Как тут у нас. Полусвет, полутьма. И удивительное тепло исходило от этого смешения света и тьмы. У меня душа рвалась туда, в эти комнаты. Казалось, можно дотронуться до чего-то там внутри, до запаха... (Опять принюхивается).

Зива: Что?

Шауль: Твой запах... Твой аромат... Самая замечательная вещь в мире, нет ничего лучше. Нет, не было и не будет. Никаких обид, никаких счетов,

есть только это, только это одно и важно. Настоящее. Ты женщина, живая, здесь, сейчас, со мной, моя жена...

Зива: Возьми меня.

Шауль (начинает расстегивать пуговицы на ее платье): Не слишком ли мы торопимся?

Зива: Нет. Все в порядке.

Шауль: Ты всегда говорила, что...

Зива: Теперь – нет, все хорошо, все будет хорошо. Как когда ты поздно возвращался – после того как скончается кто-то из больных...

Шауль (со смешком): Ты слышала, что он сказал про кушетку, когда мы ели? *(Опомнившись):* Ой, нет! Иди сюда. *(Придвигаются, обнявшись, к дивану).*

Зива останавливается.

Зива: У тебя есть простыня?

Шауль: Зачем?

Зива: Постелить. Чтобы была белая, гладкая.

Шауль разжимает объятия, достает из тумбочки простыню. Зива помогает расстелить. Останавливаются, смотрят друг на друга.

Шауль: Как странно... Десять лет, правильно? А теперь как будто в первый раз. Более первый, чем первый. Если можно так сказать...

Камень ударяет в окно, стекло разлетается на куски.

Рафи (снаружи): Шлюха!

Шауль (старается оставаться спокойным): Заходи, Рафи.

Рафи не откликается.

Шауль: Заходи, чего ты ждешь?

Рафи (снаружи): Она не твоя жена! Обыкновенная новая пациентка.

Шауль: Заходи.

Рафи (с опаской заглядывает в дверь, заходит): Вы сказали, я сегодня буду спать здесь, у вас. Вы сказали.

Шауль: Разумеется.

Рафи: Я заварю чай с корицей.

Шауль: И мы будем есть тунца с вафлями в шоколаде. Тунец в собственном соку.

Рафи: А я сниму с вас ботинки. Чтобы ноги отдохнули.

Шауль: Да, конечно, ты...

Рафи: Будем говорить обо всем, правда?

Шауль: Да.

Рафи: Как было. Было хорошо. Нам всего хватало.

Шауль: Очень хорошо! *(Хватает его и бьет)*. Будешь камнями швыряться, да? Бить окна, да? Да? Да?

Зива (пытается оттеснить его от Рафи): Нет, хватит! Ты не должен!..

Рафи (вырвавшись из рук Шауля, отскакивает): Габриэль хуже бьет! *(Кидается к двери)*.

Шауль (усмехается): Слышала? Габриэль бьет хуже! Что можно поделатъ с человеком, которого Габриэль лупит покрепче, а?

Зива: Я не понимаю.

Шауль: С одной стороны, психическое заболевание... Или просто инфантильность такая? А с другой стороны, высказывания, которые сводят тебя с ума. Превращают в ничто все твои усилия, все твои знания, весь твой интеллект, культурный багаж, всю медицину, весь прогресс. Все становится таким ничтожным, жалким, непрочным. *(Вдруг):* Ты начала бояться меня?

Зива: Прости?

Шауль: Когда я думаю об этом... Тогда, когда ты уходила к нему, совершенно не боялась. Из-за этого я не тронул тебя. Тот, кто не боится, наверняка не сделал ничего плохого.

Зива: Я не понимаю. Зачем ты вдруг...

Шауль: В ту последнюю ночь – перед тем, как ты ушла к нему, я не мог уснуть. Каждую минуту срывался с кровати и мчался в уборную. Ты проснулась и пыталась успокоить меня. Взяла за руку, стала гладить и рассказывала, как ты любишь его. Говорила, что я обязан понять, как это прекрасно.

Зива: Я была ослеплена.

Шауль: Ты была такой красивой, такой отважной. Я сказал, что понимаю. Ты сказала: Спасибо. Я хотел встать на колени и пожелать тебе: счастливого пути! Великой тебе, сладостной, ничем не омраченной любви! Я ощущал себя таким ничтожным, примитивным. Младенцем, который только и умеет, что писаться. *(Усмехается)*. Я все понял, но мой мочевой пузырь не желал понимать. Помнишь, как я бегал каждую минуту? Откуда во мне взялось столько жидкости? Вот в чем вопрос... Теперь ты начинаешь бояться, правда?

Зива: Нет, почему же? Ты в полном порядке.

Шауль: Я не очень-то в порядке. Жена, которая уходит от мужа, это в порядке. В порядке вещей. Очень современно. Любовник – это тоже современно. А как же! Только муж – это не современно, это примитивно. Никуда не годится. Мой отец... Он был мелким торговцем на рынке. Лавчонка в самом конце рынка. К тому же – нервный человек.

Зива: Я не понимаю.

Шауль: Я тоже не понимаю, вот в чем беда. Что это означает: вернулась попробовать? Это маринованные огурчики – сначала просят один попробовать, а потом уже покупают. Если понравился. Что значит: вернулась попробовать?

Зива: Это ты так сказал.

Звонит больничный колокольчик.

Шауль: Отвечай мне! Объясни, что это значит.

Зива: Что значит... Колокольчик звонит. Ты не слышишь?

Шауль: Колокольчик – да, он отвечает мне.

Зива: Почему он так звонит?

Шауль: Ты хочешь знать?

Зива: Да, конечно. Звонит и никак не прекращает.

Шауль: Зовут меня. Наверняка кто-то попытался покончить с собой. Повесился. Или перерезал себе вены бритвой. Ржавой, загаженной. Проблема – заражение крови, а не ее потеря. (*Выходит*).

Колокольчик еще некоторое время звонит, наконец смолкает. Зива подходит к своим чемоданам, открывает один, что-то перекладывает в нем, упаковывает заново.

В окне появляется Рафи, наблюдает за ее действиями, потом заходит в комнату.

Зива видит его, оставляет чемодан, распрямляется.

Рафи: Вы хотите, чтобы я помог вам?

Зива не отвечает.

Рафи: Вы хотите, чтобы я помог вам?

Зива: Отвяжись от меня, понял? Не доводи до греха. Никаких нервов уже не хватает!

Рафи: У тебя хватает.

Зива: Ты тоже будешь объяснять мне, чего мне хватает и чего нет?

Рафи: Вы сердитесь, правда? Когда кто-то сердится, он говорит, что у него не хватает нервов.

Зива: Еще поучи меня говорить!

Рафи: Вы это... с умом делаете. Не стоит вам тут. Сами видели: как ненормальный вдруг сделался. Как бешеный. С ним надо уметь обращаться. У меня – никаких нервов! Вообще. Только мускулы. Погляди! (*Напрягает мышцу*). Здорово, верно?

Зива смотрит на него.

Рафи: Только мускулы. Без нервов. Из-за этого я не бью – даже если есть сила. Не бью. Правильно?

Зива отходит в сторону.

Рафи: Вы уходите? Вы уходите? Или вы не уходите...

Зива: Зачем ты все время пакостишь мне? Зачем ты вредничаешь? Зачем стараешься испортить? Чего ты от меня хочешь?

Рафи: Чего ты хочешь от меня?!

Зива: Я его жена, ты не понимаешь?

Рафи: Вы просто новая пациентка!

Зива: Я его жена, ты прекрасно знаешь!

Рафи: Я был раньше! До тебя! Я был раньше – до тебя!

Зива (немного помолчав): Я тут сойду с ума. Вместе с вами обоими... (*Подходит к чемоданам*).

Рафи: Я помогу тебе найти место. Кто-то точно повесился. Ты можешь теперь спать на его койке. Глядишь, и еще что-нибудь освободится...

Зива (оставляет чемоданы, садится на кушетку): Мне плохо... Мне тяжело... Рафи, мне плохо!

Рафи: Как?! Ты ведь девушка...

Зива: А что? Девушкам не бывает тяжело, не бывает плохо?

Рафи: Конечно, нет. С чего бы им сделалось плохо? У девушки есть все, все при ней, все!

Зива: Что – все?

Рафи: Все. Сиськи. Грудь то есть...

Зива: Если есть грудь, значит, не может быть плохо?

Рафи: Конечно, нет. Они всегда при ней. Когда только захочет. Даже когда спит. Даже когда больна. Все время!

Зива: И что она делает с ними, как ты думаешь? Что она делает с ними все время – когда только захочет? Даже когда спит? Даже когда больна?

Рафи: Что значит – что?.. Она... Она... Они как будто шоколадки.

Зива: И что же? Она что – грызет их? Сама себя грызет?

Рафи: Нет, с чего вдруг! Они и так при ней. Как будто внутри. Как будто она их уже проглотила. Я так думаю. Не знаю в точности...

Зива смеется.

Рафи: Ты смеешься?

Зива: Нет, я плачу.

Рафи: Я один раз познакомился с одной. Она как раз была добрая.

Зива: Ты не знаешь нормальных женщин, только потаскух.

Рафи: Конечно, знаю. Моя мама.

Зива: Я устала, Рафи.

Рафи: Моя девушка... Я возьму ее сумочку, вот так... (*Берет в одну руку сумочку Зивы*), а другой рукой возьму ее за руку. (*Протягивает руку в сторону, Зива берет его за руку*). Я буду гулять с ней по улице, по всему кварталу, чтобы все видели, чтоб у них глаза повылазили! Перестанут смеяться и будут тарашиться. Вся кровь из них уйдет, так они будут тарашиться. Тихо будет, и вся кровь из них уйдет. (*Умолкает вдруг*). Ты не говори ему.

Зива: Я не скажу.

Рафи выходит. За окошком появляется мужской силуэт.

Зива (думает, что это Рафи): Я не скажу, я обещаю.

Шауль (за окном, усмехается): Надо же – у вас уже появились секреты от меня.

Зива: Шауль!..

Шауль: Я пошутил. Это мне даже нравится. Утешение для тебя. Есть кого пожалеть.

Зива: Я тоже росла в таком же квартале бедноты.

Шауль: Это не всегда заставляет сочувствовать, скорее наоборот. Сказать по правде, у тебя есть нечто более важное: ты умеешь ладить с людьми. Со всеми. Мне это не дано. Если бы ты знала, сколько я...

Зива: Да зайди же в дом! Зачем переговариваться через окно?

Шауль (усмехается): Я сделался как он.

Зива: Заходи! (*Распахивает дверь*).

Шауль (заходит и тут же восклицает в волнении): Прости! Ты должна извинить меня.

Зива (отшатывается в испуге): Что? Нет...

Шауль: Я оставил больного, еще не закончив, только чтобы сказать тебе: мы уедем отсюда! Пускай сгниют тут ко всем чертям! Они хотят этого. Гордыня. Из-за этой гордыни они и кончают с собой. Доказать, что они еще живы. Пусть! Пусть будет так – попробоваться! Только так я научусь смирению. Научусь обуздывать свою гордыню. Только так я научусь жить с твоей любовью. Подумать только – какая любовь! Вышла замуж за меня – год, пять лет, десять – и продолжала любить его! Это самое прекрасное, что может быть. Понять это, понять тебя – это называется жить. Понять, и не повеситься, не тунец в собственном соку с вафлями в шоколаде и всем прочим! Ты не поверишь, я наслаждаюсь этим.

Зива: Хватит уже!

Шауль: Когда-то я думал, что врач не должен много говорить, пускай больные говорят. Мой отец пускай говорит. И вот: врач, не врач – есть женщина в этом мире, есть любовь, есть Иехиэль Шумахер, значит, и врач будет больным, маленьким, ничтожным, начнет говорить, лепетать, трещать, как сорока... *(Смех его переходит в рыдания)*. Вот! Вот!

Зива: Да... Что случилось? Скажи мне, я здесь.

Шауль: Я не знаю. Мне стыдно. Плачу как ребенок. Что ты подумаешь обо мне?

Зива (обнимает его): Нет, наоборот, я люблю тебя таким.

Шауль: Чего мне не хватает? Ты здесь, не так ли? Зачем я это делаю, зачем мучаю тебя?

Зива: Ты прекрасный человек – как бы ни было тяжело с тобой. Мы похожи. Этот мир не баловал тебя. Меня он тоже не баловал. Мы должны быть вместе. Я уже не девочка. Сколько нам? Ты думал об этом? Я тоже.

Шауль: Как выходят из этой ситуации? Можно выйти из этого? Ты сильная, ты знаешь.

Слышно, как снаружи снова льет дождь.

Зива: Дождь. Я хочу тебя.

Шауль: Я тоже хочу тебя.

Зива: Иди сюда. *(Принимается расстегивать на нем рубашку)*. Нет, не могу... Эти пуговицы... У меня дрожат руки. Я вся дрожу.

Шауль: У меня есть один вопрос – просто так.

Зива справляется с пуговицами, распахивает рубаху, прижимается щекой к его груди.

Шауль: Когда это случилось в первый раз? У вас... В первый раз...

Зива: Оставь это сейчас.

Шауль: Только скажи. Когда? Это неважно, не имеет значения. Просто у меня такой туман в голове, я должен ухватиться за что-то, чтобы покончить с этим. Точка опоры... Только это.

Зива: Субботним вечером. Ты дежурил, а я пошла помочь ему – к нему должны были прийти гости...

Шауль: Как это случилось?

Зива: Вдруг... Я не помню. Ты знаешь, как это бывает – как будто поскользнулся на банановой кожуре. Вдруг.

Шауль: Но как именно? Он начал? Или ты? Вместе? Вы оба вместе поскользнулись на одной и той же банановой шкурке?! Были какие-то слова? Что вы сказали? Вы сделали это при электричестве? Разделись догола? Как это было? Точно также как тогда, когда он был твоим парнем, – еще до того как мы встретились?

Зива (обнимает его): Хватит, Шауль! Не нужно. Все прекрасно, ты замечательный. До чего же ты мокрый... От тебя пахнет дождем.

Шауль (руки его соскальзывают с ее тела): Я ничуть не мокрый. Как раз когда я вышел, дождь прекратился. Зачем ты говоришь глупости?

Зива: Зачем? Ты всегда знаешь, зачем ты говоришь то или иное?

Шауль: Ты обнимала его, когда он возвращался вымокший под дождем, да?

Зива: Он никогда не возвращался вымокший под дождем.

Шауль: Так кто же?

Зива: Тебе не кажется, что это глупо?

Шауль: Может, Рафи? Он, бедненький, сейчас на улице, под дождем, в грязи.

Зива: А ты – ты не в грязи сейчас? А я? Где я? Что это? Не грязь, не дождь? Я сильная – разумеется! Я девушка, женщина. Все мое при мне. Даже когда я больна, даже когда сплю. Нет ничего, чего бы мне не хватало. Все со мной, всегда, и все из шоколада. Ты знаешь, это уже слишком – так много шоколада. Слишком тяжело.

Шауль: Я не понимаю.

Зива: Нет? Рафи не объяснил тебе, что есть у девушки, у женщины?

Шауль: Я не понимаю...

Зива: Я тоже. Ты забираешь себе все эти «не понимаю», а мне не оставляешь ничего?

Шауль: Это место, эти стены, все эти шесть месяцев! Этот Рафи приклеился как проказа! Обходились до сих пор без меня, обойдутся и впредь. Мы уедем отсюда. Утром, немедленно. Пусть скачет там под дождем, он наслаждается этим!

Зива: У меня есть сюрприз для тебя. (*Высовывается в окно*). Рафи!

Рафи заходит – несколько неуверенно, смотрит попеременно то на Шауля, то на Зиву. Шауль тоже смотрит то на Рафи, то на Зиву.

Зива: Выпьем кофе, да? Нам всем не помешает выпить кофе. (*Вынимает из чемодана кофейник, наливает в него воду, насыпает кофе, ставит на тумбочку чашки, сахарницу, кладет чайные ложечки. Садится*).

Шауль и Рафи стоят посреди комнаты и смотрят друг на друга.

Зива (обращаясь к Шаулю): Ты не хочешь кофе?

Шауль садится на стул, Рафи, потоптавшись, присаживается на край кушетки.

Зива (разливает готовый кофе по чашкам): Пожалуйста. Берите сахар. (*Обращаясь к Рафи*): Бери, бери, клади сколько хочешь.

Рафи не может оторвать глаз от кофейника.

Зива: Извини... Да. (*Снимает со спинки стула пиджак Шауля*): Ты позволишь? (*Протягивает пиджак Рафи*): Надень, ты весь продрог.

Рафи: Нет, спасибо, мне не холодно.

Зива: Ты насквозь мокрый.

Рафи: Мне не холодно.

Зива: Ну, как хочешь. (*Усаживается*). Так о чем вы тут беседовали в мое отсутствие? Рафи, ты сказал, что обо всем. Даже о девушках, верно?

Рафи молчит.

Зива: У Рафи имеется интересная информация. Будто бы на теле женщины есть такая кнопка, вроде выключателя. Стоит кому-нибудь дотронуться до этой кнопки – и в женщине тотчас вспыхивает безумная любовь к этому человеку. Просто не может не любить его. Обязана любить. Кто-то рассказал ему об этом. Кто-то очень серьезный.

Шауль (Зиве): А ты что думаешь про эту кнопку?

Зива: Это замечательно. Что-то есть в этом. Мечта мужчины: дотронуться, и все. Дело в шляпе!

Шауль: Значит, неправда?

Зива: Любовь нужно холить и лелеять. Беречь, выхаживать. Прилагать усилия, не так ли? (*Кивает на чашку с кофе*). Почему ты не пьешь?

Рафи (Шаулю): Я заварю вам чай с корицей. Кофе не полезно для вашего желудка. (*Подходит к раковине*).

Шауль: Когда же это **он** так уж старался нянчить и выхаживать вашу любовь? Или только один должен прилагать усилия?

Рафи (Шаулю): Я положу сахар. Первым делом – сахар. Со мной вам не придется утруждаться. Нисколько.

Шауль (Зиве): Я спросил тебя.

Зива: Он старался. Он дрожал, он плакал, как ребенок, когда ухаживал за мной. Не стыдился своих слез. Я чувствовала себя королевой. Парила в облаках, была пьяна его любовью!

Шауль: Не может быть! Он?

Зива: Да. Ты тоже – вчера, когда просил, чтобы я вернулась.

Шауль: Каждый, кто дрожит перед тобой и распускает нюни... Ты тут же бросаешь мужа и становишься его подстилкой?

Зива: Сейчас я здесь.

Шауль: Не просто подстилкой – поскакала обслуживать его, помогать ему с его гостями, с его детьми. Разумеется – несчастный вдовец! У меня тоже умерла жена. Хуже того – жива, но с другим. Это пострашнее, чем умерла, не так ли?

Рафи (подает Шаулю чай): Вот, пейте. Вы ничего не пьете.

Зива: Я выпью. (*Придвигает чашку к себе, отхлебывает*). Действительно вкусно. Как ты это делаешь? Кипятишь вместе с корицей?

Рафи (отбирает у нее чай, ставит перед Шаулем): Это ваш чай!

Зива: Прежде... Когда мы были тут одни, ты разговаривал со мной иначе.

Рафи (Шаулю): Это ваш чай!

Шауль (передвигает чашку к Зиве): Возьми, пей.

Зива: Я не поскакала, это ты послал меня помочь ему. Не только в тот раз – день за днем, целую неделю отправлял помогать ему.

Шауль: А если бы я сказал: прыгни с крыши, ты бы прыгнула? Я хотел испытать тебя! Ты не догадывалась? Испытать!

Зива (смеется): Разумеется, догадывалась.

Шауль: Что тут смешного?

Зива: Был у нас один такой. У него обнаружили опухоль. Запущенную. Молодой парень, и никакой надежды. Жена ходила с ним на процедуры,

иногда даже приходила с ребенком. Она знала про эту опухоль еще до того как они поженились. Рассказывала мне. Вдруг он, представь себе, обрил голову, снял свою роскошную шевелюру. Хотел проверить, будет ли она любить его такого – без волос. Она, конечно, не бросила его из-за этого, но любить уже не могла – ушла любовь.

Шауль: Значит, он был прав.

Зива: Это называется – прав? Проверять, будет ли она любить его без каких-то несчастных кудрей после того как она вышла за него, зная о его болезни? После того как родила от него ребенка? Годами ухаживала за ним! Это называется – прав?

Шауль: Факт!

Зива: Не из-за его дурацкой шевелюры – из-за того что он позволил себе усомниться.

Шауль: Откуда ты можешь знать, из-за чего?

Рафи (Шаулю): Пейте. Вы не пьете.

Шауль пьет.

Рафи: Хороший чай, правда?

Шауль (Зиве): С какой опухолью ты меня подобрала?

Зива: Ты больной на всю голову!

Шауль: То-то же!

Зива: Зачем ты вообще просил меня вернуться?

Шауль: Надул тебя, а? Обманул. Иди кричи на площадях Иерусалимских: муж мой обманул меня, забрал меня от любовника! Это еще надо проверить, кто кого обманул. Зачем ты вообще вышла за меня? Можешь ответить? Любила его, так зачем вышла за меня? Потому, что он бросил тебя? Осталась на бобах?

Зива поднимается, подходит к чемоданам.

Шауль: Проба окончена, да? Госпожа откусила от огурчика, поморщилась, выплюнула и пошла. Что еще можно сказать? Что может сказать огурчик, от которого откусили кусочек? Благодарю тебя, Господи, – хотя бы не погнушалась, попробовала!

Рафи: Я поставлю варить яйца. Вы увидите, к утру будут очень хорошие яйца вкрутую. (*Направляется в кухонный уголок*).

Шауль: Ах, Рафи!.. Быть таким, как ты... Чего ему не хватает? Только очень хорошего яйца вкрутую. Главное, без женщины, без жены. Для чего человек хочет иметь жену? Убежать от всего мира, от всего шума, от

суеты, от стыда, от позора, от войн, от всяческих экспериментов. Бежать к ней, спрятаться в ее теле, в ее душе, выстроить себе дом, крепость, которая защитит, будет только твоей. И вот есть жена, есть дом, а холод сковывает хуже, чем прежде. Ты одинок страшнее, чем прежде. Лишился уже и самого себя. Все осталось, все тут: войны, эксперименты, позор... Иехиэль Шумахер! Мир подстроил тебе засаду. Ты бежал от него к ней, а он там, при ней, в ее теле – она и есть этот кошмарный мир!

Зива направляется к двери.

Шауль: Мир уходит. Ушел.

Зива возвращается.

Шауль: Что случилось? Мир возвращается?

Зива: Я не могу возвратиться к нему. Между нами все кончено. Просто все кончено. Мы больше не любим друг друга. Перестали любить. Нет, это еще не вся правда. Оба перестали любить, но он перестал первый. Когда люди женаты, можно жить вместе и без особой любви, но так... Для чего? Ради чего? Это отвратительно, верно?

Шауль (рассеянно): Что?

Зива: Это отвратительно.

Шауль: Да.

Зива: Он уже не хочет меня. Я надоела ему. Надоело все, что я говорю. Все, что я надеваю. Все, что я! Все его бесит. Мой смех, мои шляпы. Я уже вообще перестала разговаривать. Он возненавидел кофе, потому что я люблю его. Он терпеть не может мои большие пальцы – один большой, а другой крошечный. Что я могла поделать? Укоротить палец? *(Плачет)*. Извини... Ловкая госпожа... Умеет все устроить. Возвращается исправить, а получается, что не прекращает лить слезы. Получается, что и здесь не нужна. Вместо того чтобы упасть в мои объятия, прижаться ко мне, сказать: вот, ты пришла! – морочил мне голову какими-то «может быть», «только попробовать»... Но у меня ведь тоже есть своя гордость, верно?

Шауль: Что?

Зива: Гордость.

Шауль: Да.

Зива: Прости?

Шауль: Да.

Зива: Я вообще не понимаю, как могла любить его. Может, потому что он плакал? Вначале... Мы тоже плачем, но в конце. Большая разница.

Шауль: Да.

Зива: Прости?

Шауль: Да.

Зива: Я так соскучилась по работе. Есть изувеченные, которые утром не помнят своего истинного положения. Открывают глаза и тут же хотят протянуть руку, встать на ноги – что-то сделать, пойти куда-то, вообще всё... Как когда-то, как обычно. И вдруг нет руки, нет ног, одна только боль. И главное – это повторяется каждое утро. Я не знаю, зачем я рассказываю об этом.

Шауль: А ты вернулась бы ко мне сама, без того чтобы я стал просить?

Зива: Почему ты спрашиваешь?

Шауль: Он не хотел тебя, верно?

Зива: Это так уж важно?

Шауль: Отвечай мне.

Зива: Я не думаю. Не так сразу... Я бы сначала устроилась на работу. То есть начала бы искать работу, выяснять...

Шауль: Почему же не искала? Не выясняла?

Зива: Я не понимаю...

Шауль: Почему ты вообще вышла за меня? Только потому, что он бросил тебя?

Зива: Ты знал, что я любила его. Я предупредила тебя.

Шауль: И тотчас затащила меня к себе в постель. Сразу после тех ступеней возле почтамта на улице Яффо.

Зива: Ты сказал: неважно, не имеет значения, мне плевать на это. Ты был тогда самым замечательным парнем в мире. Я была уверена, что тебе удастся заставить меня забыть его. Шауль, зачем ты это делаешь? Теперь извини: поглядим на тебя! Теперь пожелай меня, будь со мной, мне это необходимо!

Шауль: Опять та же сказочка? Как слепой попрошайка – берет то, что ему бросили, и еще говорит: спасибо. Это то, чего я жаждал? То, о чем мечтал? Еще раз? То же самое?

Зива: Я устала. Я пойду спать. *(Ложится на диван, укрывается одеялом).*

Рафи: Она легла в вашу постель!

Шауль: Я тоже хочу спать. *(Ложится на кушетку).*

Рафи (устраивает себе ложе на полу между кушеткой и диваном):

Сегодня я буду хорошо спать. Я давно уже не спал как следует. Вы сказали. Вы ничего не говорите просто так. *(Выключает свет, ложится).*

Картина третья

Слабенькая лампочка освещает только кухонный уголок.

Рафи: Доктор, вы спите? *(Не дождавись ответа):* Вы спите, доктор?

Шауль: Тихо ты! Я сплю.

Рафи: Я тоже.

Шауль (поворочавшись): Знаешь, почему я попросил тебя вернуться? Чтобы сказать тебе, до чего же я тебя ненавижу! Только для этого, да. До чего же я тебя ненавижу...

Рафи: Она даже пижаму не надела. У нее есть пижама. Я видел в чемодане.

Шауль: Все, все во мне ненавидит тебя. От кончиков волос до кончиков ногтей.

Рафи: Я первый раз в жизни надел пижаму, когда меня положили в государственную больницу травматологии.

Шауль: Одежда моя ненавидит тебя.

Все молчат, только в кухонном уголке слышен звук кипящей воды. Яйца колотятся о стенки кастрюльки.

Рафи: Слышишь, доктор? Это не дождь, это яйца кипят. На маленьком огне. Слышишь, как кипят?

Шауль: Ты разрушила мою жизнь. Ты втоптала в грязь мою гордость!

Рафи: Приятно, правда? Такой звук – яйца кипят... Правда, приятно?

Шауль: Прекрасно! Только ради этого уже стоило – сказать тебе, как я тебя ненавижу!

Все молчат.

Рафи: Вы думаете, она правда спит?

Шауль: Спит или не спит – все равно ненавижу!

Зива (поднимается): Чего тебе не хватало, свинья? Даже когда не любила тебя, все делала, чтобы тебе было хорошо. Еще больше делала. У тебя был уютный дом, была радость – насколько это возможно с таким типом, как ты. И все время работала, чтобы ты мог учиться и закончить практику. Да, работала – пока ты не получил все, о чем мечтал! Убивалась на самой тяжелой, на самой черной работе ради тебя. Для него не сделала сотой доли того, что сделала для тебя. Потому что любила его. Его, а не тебя. Все время чувствовала себя виноватой, идиотка такая! Была твоей

служанкой из-за того что любила его. Служанкой из-за своей нелюбви. Теперь хватит! Я сплю. *(Ложится и накрывается одеялом).*

Рафи: Доктор, вам когда-нибудь снилась голая женщина?

Шауль: Я сейчас сплю, Рафи.

Рафи: Это не то же самое, как на самом деле голая женщина. Не то же самое, как не во сне. Я знаю. Мне однажды даже шоколад снился. Во сне это не то же самое, как на самом деле шоколад. Я вчера ночью опять видел во сне голую женщину. Спросите меня, я вам скажу, как это было.

Спросите, я вам скажу.

Шауль: Я спрашиваю.

Рафи: Спросите, что было, спросите, как она была.

Шауль: Как она была?

Рафи: Невозможно рассказать. Так... Так!.. Я думал, я умру.

Молчат.

Рафи: Доктор, вы спите? Доктор, вы спите?

Все молчат. Рафи встает и на цыпочках подходит к Шаулю. Шауль притворяется, будто спит. Рафи оставляет его и так же на цыпочках приближается к Зиве. Шауль наблюдает за ним.

Зива (приподнимается на локте): Да?

Рафи: Нет, ничего.

Зива: Я хочу спать.

Рафи: Ты не спишь.

Зива: Ты не даешь мне.

Рафи: Я хочу спросить тебя.

Зива не отвечает.

Рафи: Я хочу спросить тебя.

Зива: Хорошо, но чтобы это было последнее.

Рафи: Ты ведь из города, из Тель-Авива.

Зива: Об этом ты меня хотел спросить?

Рафи: В городе, в Тель-Авиве, делают всякие вещи. Я знаю.

Зива: Я из города, из Тель-Авива, но я устала.

Рафи: Когда мы были детьми, в пятницу, в субботний вечер, тоже никогда сразу не засыпали. Ждали. Мой отец и мама – вы знаете. Мы ждали. Брат мой Коби вырезал бритвой у себя на коже Маген-Давид. Он умел вырезать даже в темноте. Очень осторожно. Не было крови. Только Маген-Давид. У

него по всему телу были эти Маген-Давиды. Отец тоже ждал, чтобы мы заснули.

Зива: Замечательный рассказ. Теперь хватит – спать.

Рафи: Я еще не все рассказал. Под конец он уже не мог удержаться.

Кричал: ублюдки! А потом мы слышали все. И брат мой Коби уже вырезал не так осторожно, и была кровь. Он был чокнутый, но его не отправили в заведение. И в больницу не отправили. Один раз он сказал мне, что шлюха в нашем квартале, когда она ночью голая, гораздо красивее нашей мамы.

Голая темноте, он сказал. Мама не может, он сказал, она ничего не решает, она ничего не значит, ничто ничего не значит, только красота значит.

Только когда голая. Ты думаешь, это правда?

Зива: Я ничего не думаю. Я не знаю.

Рафи: Эта пуговица – она каждому дает шанс. Обязательно. Я все время думал. Я сам думал об этом, своей головой. Это не доктор сказал.

Зива: Представляю себе. Теперь хватит.

Шауль встает, зажигает верхний свет.

Рафи (пятится в испуге): Я только посмотреть яйца. Хорошие яйца вкрутую. Я все время сплю. Правда.

Шауль: Да?

Рафи: Точно, сплю.

Шауль: Какая содержательная беседа!

Рафи: Это не я.

Шауль: Нет?

Рафи: Точно, не я.

Шауль: Так как – был у тебя когда-нибудь шанс?

Рафи: Я сплю.

Шауль: Я спросил: был у тебя когда-нибудь шанс? Ты пробовал?

Дотрагивался когда-нибудь до девушки, до женщины?

Рафи: Не знаю.

Шауль: Ты этого не знаешь?

Рафи: Я видел во сне голую женщину. Много раз видел. Я говорил вам.

Шауль (Зиве): Слышала? Он видел во сне. Можно в такое поверить?

Сегодня, в наше время? Ты представляешь себе, что это будет для него?

Какой шанс! Он будет плакать, он будет дрожать посильней, чем твой

Иехиэль.

Зива (подходит к Рафи): Иди. Доктор сказал, ты не слышишь?

Рафи: Я сейчас слышу только, как кипят яйца. Вода кипит. Это очень приятно.

Шауль: Оставь яйца, оставь воду!

Зива: Иди. Все в порядке.

Рафи: Что?..

Зива: Что делают с женщиной?

Рафи (пытается спрятаться за спиной Шауля): Нет, она ваша жена.

Шауль: Прежде была потаскуха, прежде была пациентка, теперь моя жена?

Рафи: Я ничего не знаю. Я ничего не знаю!

Зива распахивает платье у себя на груди, Рафи неуверенно приближается к ней, протягивает палец, как будто раздумывает, до какого же места дотронуться. Шауль подходит к ним, останавливается. Зива потихоньку плачет.

Рафи (отступая назад): Это она! Это вы! Я ничего не сделал!

Шауль: Нет? (*Помолчав, Зиве, негромко*): Мне снилось про тебя кое-что. Я поднялся в какую-то мансарду, в Иерусалиме, я думаю. Как будто искал там что-то, не знаю, что. Комната была абсолютно пустая и неприятная. Скверная. Да, пустая и скверная. Холодно и грязно. Окно тоже было грязное, заляпанное. Такое грязное, что вообще трудно было догадаться, что это окно. Вдруг я понял, что мне следует сделать. Протер окно ладонью и тут увидел, что на стекле написано твое имя: Зива. Это я вывел его когда-то пальцем, ты знаешь, зимой, когда стекло запотело. Дети так делают. И тут сквозь эти просветы, сквозь твое имя, разглядел переулок внизу. Там горел фонарь, и двигалась небольшая процессия сестер-монашек из Французского госпиталя. Ты помнишь? Последнее пристанище умирающих. Лишенных всякой надежды. На них были такие шапочки. И ты тоже была там, в серёдке, между ними. Они как будто уводили тебя с собой. Шли медленно-медленно, и забирали тебя с собой. Потом вы скрылись за углом. Ты была очень красивая, и я почувствовал вдруг такой покой – вот, ничего больше не нужно, я нашел то, что искал. Никогда у меня на душе не было так тихо и светло. Ты была такая красивая.

Зива: Спасибо. Я рада. Это место, я вижу, навевает дивные сны. Ты избавился от меня. На самом деле ты никогда не любил и не хотел меня. Ни хорошей, ни плохой, никак.

Шауль: Я не чувствую больше ненависти к тебе. Вообще не могу больше ненавидеть тебя.

Зива поднимает чемоданы.

Шауль: Я возьму.

Зива: Ничего, сама управлюсь. *(Направляется к выходу, останавливается, возвращается)*. Никуда я не пойду больше. Ты мой муж, ты вначале не хотел давать мне развод – и не надо. Просил, чтобы я вернулась – получай, что просил. Нет у меня сил начинать с начала. Вы оба доконали меня этими вашими «да любит – нет, не любит». Я всю себя разрушила этими бесконечными выяснениями «кого я люблю?» Все, не желаю больше никакой любви, никаких сладких надежд, никаких слез. Хочу работать, хочу наконец начать жить. Хватит с меня, я состарилась, измучена, разбита, хочу начать жить! *(Поднимает чемоданы и выходит)*.

Настойчиво звенит больничный колокольчик. Шауль с силой дергает шнур, вырывает его из стены. Звон прекращается.

Шауль: Не сегодня. Завтра.

Рафи (смотрит на оборванный шнур): А они там продолжают звонить. Точно – продолжают. Там не знают, что вы порвали. Пускай звонят, какое нам дело, правда? *(Накрывает Шауля одеялом)*. Это как будто вы ушли и потерялись. Они звонят, а вы не отвечаете. Это приятно – потеряться... Я один раз потерялся, когда был маленький. Весь день не возвращался и ночью тоже. Отец и мама искали меня как ненормальные. Все соседи искали, весь наш квартал. Даже полицию привели. Я сидел в яме внизу, а они искали наверху и все время кричали: Рафи! Рафи! Весь квартал слышал. Это было приятно – весь квартал слышит мое имя. Очень приятно. Потом нашли меня и избili как собаку. Как ненормальные отколошматили. А что? Когда не терялся, не били?